

Остров
Тридцати Трбов

Минувшая война вызвала столько потрясений, что мало кто теперь помнит о разразившемся более десяти лет назад скандале с д'Эржемоном.

Напомним вкратце его суть.

В июне 1902 года господин Антуан д'Эржемон, известный исследователь мегалитических сооружений Бретани, прогуливаясь с дочерью Вероникой в Булонском лесу, подвергся нападению четверых неизвестных, которые сбили его с ног ударом палки по голове.

После короткой отчаянной борьбы дочь господина д'Эржемона, известная в кругу друзей как Прекрасная Вероника, была схвачена и брошена в автомобиль, который, по рассказу свидетелей этой очень недолгой сцены, уехал в сторону Сен-Клу.

На первый взгляд — обычное похищение. Однако на следующий день стали известны истинные обстоятельства дела. Граф Алексис Ворский, молодой польский дворянин, известный своей скверной репутацией и большим самомнением и утверждавший, что в его жилах течет королевская кровь, был влюблен в Веронику д'Эржемон, причем та отвечала ему взаимностью. Однако, поскольку отец девушки слышать о нем не хотел и даже неоднократно наносил ему оскорбления, граф решил похитить Веронику, о чем она, впрочем, и не подозревала.

Антуан д'Эржемон, который был — и кое-какие ставшие достоянием гласности письма свидетельствуют об этом — нелюдом и вспыльчив и из-за своей взбалмошности, отчаянного эгоизма и гнусной скаредности сделал несчастной собственную дочь, публично поклялся жестоко отомстить молодым людям.

Однако же он дал согласие на их брак, и через два месяца молодые люди обвенчались в Ницце. Но на следующий год разразился новый скандал. Непримируемый в сжигавшей его ненависти, господин д'Эржемон, в свою очередь, похитил ребенка, родившегося у Вероники от Ворского, и в Вильфранше вышел вместе с ним в море на только что купленной небольшой яхте.

Разразился шторм. Вблизи от итальянского берега яхта пошла ко дну. Находившиеся на ней четверо матросов были подобраны оказавшимся поблизости судном. По их словам, господин д'Эржемон и ребенок погибли в пучине.

Узнав об их смерти, Вероника д'Эржемон удалилась в монастырь кармелиток.

Таковы факты. Четырнадцать лет спустя они стали причиною целого ряда событий — жутких, невероятных, но вполне реальных, — иные подробности которых казались на первый взгляд просто фантастическими. Однако война внесла в жизнь людей такую смуту, что даже то, чего она непосредственно не коснулась, — как, например, история, изложенная на этих страницах, — приобрело под ее влиянием черты чего-то искаженного, алогичного, а порой и сверхъестественного. И только яркий свет истины, на самом деле не такой уж и непостижимой, поможет этим событиям вернуться в мир реального.

Глава первая
ЗАБРОШЕННАЯ ХИЖИНА

Однажды майским утром в живописную деревушку Фауэт, расположенную в самом сердце Бретани, въехал экипаж, в котором сидела дама, чье просторное серое платье и густая вуаль не могли скрыть изумительной красоты и изящества их обладательницы.

Позавтракав на скорую руку на постоялом дворе, дама попросила хозяина присмотреть за ее чемоданом, задала несколько вопросов относительно окрестностей и, пройдя деревню насквозь, оказалась в полях.

Почти сразу же ее взору открылись две дороги: одна на Кемперле, другая — на Кемпер. Выбрав последнюю, она спустилась в ложбину, поднялась наверх и справа от себя увидела проселочную дорогу, подле которой стоял указатель с надписью: «Локриф, 3 км».

— Кажется, сюда, — пробормотала дама.

Однако, окинув взглядом окрестности, она удивилась, не найдя того, что искала. Быть может, она неправильно поняла данные ей инструкции?

Вокруг ни души — лишь бретонские луга, окаймленные на горизонте деревьями и холмами. Неподалеку от деревни среди молодой весенней зелени виднелся серый фасад небольшого замка, все окна которого были закрыты ставнями. Настал полдень; в воздухе разнеслось гудение колоколов, созывавших людей к молитве. И снова тишина и покой.

Усевшись на склоне поросшего молодой травкой холма, дама извлекла из кармана конверт и достала оттуда несколько листов.

На первом из них сверху стоял следующий штамп:

Агентство Дютрейи.

Консультации.

Конфиденциальные расследования.

Тайна гарантируется.

Ниже стоял адрес:

Безансон. Дамские моды. Госпоже Веронике.

Она принялась читать:

Сударыня,

Вы не поверите, с какой радостью исполнил я двойное поручение, которое Вы благоволили дать мне в этом месяце, то есть в мае 1917 года. Мне никогда не забыть обстоятельства, при которых четырнадцать лет назад я смог оказать Вам действительную помощь, когда ряд столь горестных событий омрачил Ваше существование. Ведь я сумел тогда собрать все доказательства гибели Вашего почтенного батюшки господина Антуана д'Эржемона и любимого сына Франсуа — это была первая победа в моей карьере, повлекшая за собою другие, не менее блестящие успехи.

Не забывайте также, что именно я, увидев, насколько будет для Вас полезно избавиться от ненависти и, скажем так, любви Вашего мужа, предпринял по Вашей просьбе необходимые шаги для того, чтобы Вы смогли попасть в монастырь кармелиток. Когда же, находясь в монастыре, Вы поняли, что посвятить свою жизнь религии противно Вашей натуре, именно я подыскал для Вас скромное ателье мод в Безансоне — городе, удаленном от мест, где протекли годы Вашего детства и недели Вашего замужества. Вы испытывали потребность в труде, чтобы иметь возможность жить и не думать ни о чем. В этом Вы должны были преуспеть — и преуспели.

Теперь давайте перейдем к вопросам... двум вопросам, которые нас занимают.

Вопрос первый. Что произошло за эти бурные годы с Вашим мужем господином Ворским — поляком по рождению и документам и сыном короля, по его собственному утверждению? Я буду краток. Брошенный в самом начале войны как подозрительная

личность в концентрационный лагерь близ Карпантра, господин Ворский сбежал оттуда в Швейцарию, а по возвращении во Францию был арестован, обвинен в шпионаже и изобличен в том, что является немцем. Его неминуемо ждала смертная казнь, но он снова бежал, скрывался в лесу Фонтенбло и в конце концов был убит ударом ножа, причем кто это сделал — неизвестно.

Я рассказываю Вам все это без обиняков, сударыня, потому что знаю, какое презрение питаете Вы к этому так подло предавшему Вас субъекту, и понимаю, что хотя многое Вам известно из газет, но проверить эти сведения у Вас не было возможности.

Итак, доказательства существуют. Я их видел. Сомнений больше нет: Алексис Ворский похоронен в Фонтенбло.

Мимходом позволю себе обратить Ваше внимание, сударыня, на кое-какие странные обстоятельства, связанные с его смертью. Вспомните загадочное пророчество, о котором Вы мне рассказывали и которое касалось господина Ворского. Страдавший галлюцинациями и кошмарами господин Ворский, чей несомненный ум и редкая энергия весьма проигрывали от его приверженности ко всякого рода предрассудкам, находился под сильным впечатлением этого предсказания, которое камнем висело над его жизнью и было сделано несколькими особами, сведущими в оккультных науках: «Ворский, сын короля, ты погибнешь от руки друга, а жена твоя умрет на кресте». Я написал эти последние слова, сударыня, и рассмеялся. Умрет на кресте! Такая казнь несколько вышла из моды, поэтому на Ваш счет я спокоен. Но что Вы скажете об ударе ножом, полученном господином Ворским в полном соответствии с таинственной волею судьбы?

Впрочем, довольно умствований. Теперь речь пойдет...

Вероника уронила руку с письмом на колени. Вычурный слог и фамильярные шуточки господина Дютреи ранили чувствительную натуру женщины, а трагический образ Ворского неотвязно ее преследовал. При страшных воспоминаниях об этом человеке дрожь ужаса пробежала по ее телу. Но она овладела собой и продолжила читать:

Теперь речь пойдет, сударыня, о втором данном Вами поручении, наиболее важном для Вас, поскольку все остальное относится уже к прошлому.

Уточним факты. Три недели назад, в четверг вечером, когда Вы сочли возможным нарушить привычное однообразие своего существования и повели своих работниц в кинематограф, Вас поразило нечто не поддающееся объяснению. В главном фильме сеанса, носившем название «Бретонская легенда» и посвященном путешествиям, была сцена, которая происходила у дороги, подле заброшенной хижины, не имевшей, впрочем, никакого отношения к действию. В кадре она оказалась, по-видимому, совершенно случайно. Однако Ваше внимание привлекло нечто непонятное. На просмоленных досках ветхой двери хижины Вы заметили начертанные от руки три буквы: «В. д'Э.», представлявшие собою не что иное, как Вашу подпись, которой Вы пользовались, только будучи молоденькой девушкой, в личных письмах и к которой Вы не прибегли ни разу за последние четырнадцать лет. Вероника д'Эржемон! Ошибка исключена. Две прописные буквы, а между ними — строчное «д» с апострофом. Более того, росчерк в подписи был сделан в виде перекладки буквы «Э», загнутой и проведенной под всеми тремя буквами — точно так же, как делали когда-то Вы.

Вы, сударыня, были столь ошеломлены этим удивительным совпадением, что решили прибегнуть к моей помощи. Она была обещана Вам заранее. И Вы заранее были уверены, что она окажется действенной.

Как Вы и предполагали, сударыня, я справился с заданием.

По обыкновению, снова буду краток.

Сударыня, садитесь на вечерний парижский скорый поезд и на следующее утро выходите в Кемперле. Оттуда следуйте экипажем до Фауэта. Если у Вас будет время, то до или после завтрака осмотрите весьма любопытную часовню Святой Варвары, расположенную в очень причудливом месте, которое и послужило толчком для создания фильма «Бретонская легенда». Затем отправляйтесь пешком по дороге на Кемпер. В конце первого взгорья, чуть дальше проселочной дороги, ведущей в Локриф, и стоит в полукруге деревьев заброшенная хижина с интересующей Вас надписью. Больше ничего особенного в ней нет. Внутри пусто, отсутствует даже пол. Вместо скамейки — гнилая доска. Крыши нет — одни трухлявые стропила, пропускающие дождь. Повторяю еще раз: в поле зрения кинематографической

камеры хижина эта попала совершенно случайно, тут сомневаться не приходится. В заключение добавлю, что фильм «Бретонская легенда» снимался в прошлом сентябре, стало быть, надпись сделана по крайней мере восемь месяцев назад.

Вот и все, сударыня. Моя двойная миссия выполнена. Я слишком скромна, чтобы поведать, ценою каких усилий и с помощью каких хитроумных средств мне удалось разузнать все за столь короткий срок, иначе Вы нашли бы несколько смехотворной сумму в пятьсот франков, которой я ограничился в качестве платы за свои труды.

Благоволите принять...

Вероника сложила письмо и на несколько минут предалась навевным им чувствам, мучительным, как и все, что воскрешало ужасные дни ее замужества. Одно из них было особенно сильным и ярким — почти таким же, как в те часы, когда она, чтобы от него избавиться, скрылась под сенью монастыря. Это было даже не чувство, а скорее уверенность в том, что истоки всех ее бед, гибель отца и сына — в трагической ошибке, которую она совершила, полюбив Ворского. Конечно, она сопротивлялась любви этого человека и решила на брак от безысходности и отчаяния, чтобы защитить господина д'Эржемона от мести Ворского. И все равно она его полюбила. Все равно она поначалу замирала и бледнела под его взором, и за это, как ей теперь казалось, непростительное малодушие ее терзали угрызения совести, которых не могло ослабить даже время.

— Пора идти, — прошептала она. — Довольно бредней! Я приехала сюда не затем, чтобы плакать.

Жажда истины, прогнавшая ее из тихого Безансона, придала ей сил, и она встала, полная решимости действовать.

«Чуть дальше проселочной дороги, ведущей в Локриф... в полукруге деревьев...» — говорилось в письме господина Дютрейи. Выходит, она прошла мимо. Она поспешно вернулась назад и сразу же заметила видневшуюся справа купу деревьев, которые закрывали от нее хижину. Подойдя поближе, она ее увидела.

Хижина представляла собою нечто вроде пристанища для пастуха или дорожного рабочего, которое под воздействием непогоды постепенно пришло в ветхость. Приблизившись, Вероника убедилась, что надпись по вине дождей и солнца стала

гораздо менее четкой, чем в фильме. Впрочем, три буквы были еще различимы, росчерк — тоже, а под ними она разглядела то, чего не заметил господин Дютрейи: изображение стрелы и цифру 9.

Волнение Вероники усилилось. Хотя писавший даже не пытался подделать форму букв, это тем не менее была подпись, какой она пользовалась в юности. Кто же мог поставить ее здесь, на двери заброшенной хижины, в Бретани, куда она попала впервые в жизни?

У Вероники не было никого на всем белом свете. Обстоятельства сложились таким образом, что юность ее, если можно так выразиться, разбила смерти всех тех, кого она любила и знала. Каким же образом воспоминание о ее подписи сохранилось за пределами круга близких ей людей — круга, которого больше не было? И почему она появилась здесь, именно в этом месте? Что все это могло означать?

Вероника обошла хижину. Ни на лачуге, ни на окружавших ее деревьях никаких других знаков не обнаружилось. Тут она вспомнила, что господин Дютрейи заглядывал внутрь, но ничего интересного там не заметил. Однако ей захотелось убедиться самой, что он не ошибся.

Дверь была заперта на обычную щеколду. Вероника ее откинула, но странное дело: непонятно почему ей потребовалось сделать некоторое усилие, причем душевное, а не физическое, пришлось напрячь волю, чтобы потянуть дверь к себе. Ей казалось, что, сделав это легкое движение, она проникнет в мир вещей и событий, которых безотчетно страшилась.

— Да что со мной? — пробормотала Вероника. — Что мне мешает?

И с этими словами резко потянула дверь.

В ту же секунду у нее вырвался крик ужаса. В хижине находился труп мужчины. Едва его увидев, Вероника тут же обратила внимание на странное обстоятельство: у мертвеца не было кисти одной из рук.

Это был старик; борода с проседью лежала веером у него на груди, длинные седые волосы закрывали шею. Почерневшие губы и причудливый оттенок распухшего лица навели Веронику на мысль, что он, должно быть, отравлен, поскольку никаких

ран на теле она не заметила, если не считать искаленной — судя по всему, несколько дней назад — руки. Одет он был так, как одеваются бретонские крестьяне, платье его выглядело опрятным, но сильно поношенным. Мертвец сидел на земле, опираясь головой о скамью и подвернув под себя ноги.

Все это Вероника отметила безотчетно и вспомнит позднее; сейчас же она стояла, уставившись в одну точку, вся дрожа и лепеча:

— Мертвец... Мертвец...

Внезапно ей пришло в голову: а вдруг она ошибается и человек еще жив? Она прикоснулась ко лбу старика и вздрогнула, ощутив под пальцами ледяную кожу.

Впрочем, этот жест помог Веронике выйти из оцепенения. Она решила действовать и, поскольку поблизости не было ни души, подумала, что ей придется вернуться в Фауэт и там сообщить властям о своей находке. Но прежде она принялась осматривать труп в надежде найти хоть что-нибудь, что помогло бы установить личность убитого.

Карманы оказались пустыми. Ни на одежде, ни на белье никаких меток не было. Однако, когда Вероника, продолжая поиски, немного сдвинула труп с места, голова старика упала на грудь и туловище склонилось к ногам, открыв тем самым ее взгляду пространство под скамьей.

Там она увидела какой-то комочек. Это был смятый, надорванный и скрученный листок рисовальной бумаги.

Вероника подняла его и принялась разворачивать. Но не успела она толком разглядеть листок, как руки ее задрожали и она воскликнула:

— О боже! Боже мой!

Со всею присущей ей силой воли она попыталась успокоиться, чтобы глаза снова обрели способность видеть, а мозг — мыслить.

Но выдержать ей удалось лишь несколько секунд. И за эти секунды, сквозь застилавший ей глаза все более плотный туман, она успела различить нарисованный красными чернилами рисунок, на котором были изображены четыре женщины, распятые на стволах деревьев.

Центральная же фигура рисунка, распятая женщина на переднем плане, — это была она, да, она сама, Вероника д'Эрже-

мон! Под одеждой угадывалось напрягшееся тело, а лицо было искажено невыносимой мукой, но тем не менее сохраняло сходство с оригиналом.

Вдобавок ко всему на торчавшем над ее головой обрубке дерева-распятия был по старинному обычаю нарисован картуш, на котором виднелась жирная надпись.

Три буквы с росчерком, три привычные ей с юности буквы: «В. д'Э.» — Вероника д'Эржемон!

Бедняжку с головы до ног пронизала судорога. Вероника вдруг выпрямилась, повернулась на каблуках и, выбравшись из хижины, без сознания упала на траву.

Вероника была женщиной рослой, крепкой, цветущей и очень уравновешенной; казалось, никакие испытания не могли повлиять на ее душевное и физическое здоровье. И только исключительные, непредвиденные обстоятельства, вроде описанных, в сочетании с усталостью от двух ночей, проведенных в поезде, способны были привести в столь плачевное состояние ее нервы и волю.

Впрочем, через несколько минут она вновь обрела четкость и ясность мысли.

Она встала, вернулась в хижину, подняла листок плотной бумаги и с невыразимой тревогой снова взглянула на него, — правда, на этот раз глаза ее были способны видеть, а мозг — размышлять.

Прежде всего Вероника разглядела подробности, которые поначалу показались ей маловажными или значения которых она не поняла. С левой стороны листа виднелась колонка из пятнадцати убористых строк, но не написанных обычным почерком, а составленных из довольно бесформенных букв с одинаковыми вертикальными черточками.

Кое-где тем не менее можно было прочесть отдельные слова.

Вероника сумела разобрать: «Четыре женщины на четырех крестах», потом: «...тридцати гробах» и в конце последнюю строчку: «Тот Божий Камень — он дарует жизнь иль смерть».

Вся колонка с текстом была взята в рамку из двух линий, черной и красной, сверху помещалось — тоже красное — изображение двух серпов, соединенных веткой омелы, а снизу — контур гроба.

Правую часть листа, гораздо более важную, занимал рисунок, выполненный сангиной, что придавало всему листу, вместе с колонкой текста, вид страницы или, скорее, копии страницы из книги — какой-то большой книги со старинными иллюстрациями, сделанными в несколько примитивной манере, с полным пренебрежением всеми правилами.

Именно так и выглядел рисунок, изображавший четырех распятых женщин.

Три из четырех распятий уменьшались, уходя к горизонту; на голове у женщин, одетых в костюмы бретонок, были бретонские же чепцы, отличавшиеся, однако, особенностью, присущей только этой местности: каждый чепец был украшен черным бантом, повязанным на эльзасский манер. А в середине страницы находилось то ужасное, от чего Вероника никак не могла оторвать глаз. Это было главное распятие — ствол дерева с двумя коротко обрезанными нижними ветвями, вдоль которых вправо и влево были растянуты руки женщины.

Члены ее были не прибиты к дереву гвоздями, а привязаны веревкой, обмотанной вокруг тела — вплоть до бедер сомкнутых ног. На этой жертве был не бретонский костюм, а нечто вроде савана, ниспадавшего до земли и удлинявшего и без того худое, изможденное тело.

В выражении искаженного болью лица сочетались покорность, страдание и печальное изящество. Это было лицо двадцатилетней Вероники — оно хорошо ей запомнилось, когда в часы грусти она разглядывала в зеркале свои полные безысходности и слез глаза.

Ее густые волнистые волосы, так же как и в те годы, спускались до самого пояса.

А сверху виднелась надпись: «В. д'Э.».

Вероника долго размышляла, вглядываясь в свое прошлое и пытаясь отыскать загадочную связь между тем, что произошло, и воспоминаниями юности. Но в голове у нее ни разу не блеснул хотя бы слабый луч догадки. Прочитанные ею слова и увиденный рисунок были лишены для нее всякого смысла и никак не поддавались объяснению.

Снова и снова вглядывалась она в лист бумаги. Наконец, не переставая думать о нем, Вероника медленно разорвала его на

СОДЕРЖАНИЕ

ОСТРОВ ТРИДЦАТИ ГРОБОВ	
<i>Перевод И. Русецкого</i>	5
ЗУБЫ ТИГРА	
<i>Перевод М. Таймановой</i>	277
ВОСЕМЬ УДАРОВ ЧАСОВ	
<i>Перевод Н. Ляндзберг</i>	
Предисловие	649
На вершине башни	650
Графин с водой	674
Тереза и Жермена	697
Фильм-разоблачитель	720
История Жана-Луи	742
Дама с топором	765
Следы на снегу	785
Во славу бога Меркурия	809